

Исторические науки

УДК 316

А.А. Семенов

Семенов Александр Альбертович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиал) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), e-mail: otdelnauka@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ВЛАСТИ В СОЗНАНИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматриваются представления о государственной власти и российском государстве, характерные для казачьего населения Северного Кавказа. Автор анализирует восприятие казаками существующей власти, их отношение к государственной службе, своим обязанностям по охране границ, рассматривается также значение государственной идеи для самоорганизации жизни казачьего сообщества.

Ключевые слова: казачье население, государственная власть, государственная служба, Северный Кавказ, община–мир, ценностные установки.

A.A. Semenov

Semenov Aleksandr Albertovich, doctor of history, professor, head of department of humanities of Armavir institute of mechanics and technology (branch) of the Kuban state technological university (127, Kirova St., Armavir), e-mail: otdelnauka@gmail.com

THE CONCEPTION OF THE STATE AND GOVERNMENT IN THE MINDS OF THE COSSACK POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS

The article deals with the concept of state power and the Russian state characteristic of the Cossack population of the North Caucasus. The author analyzes the perception of the Cossacks of the existing power, their attitude to the public service, their responsibilities for the protection of borders; he also considers the importance of the state idea for the self-organization of the life of the Cossack community.

Key words: Cossack population, state power, state service, North Caucasus, community–world, values.

Государство и его основополагающая идея в регионе Северного Кавказа выступали как внешние смысловые основания человеческой деятельности, они хотя и отличались от внутренней основы социальной жизни общины–мира, но вместе с ней составляли единое целое, объединяя различные стороны жизнедеятельности социума. Процессы, происходившие в нем, были тесным образом связаны с деятельностью российского государства, его генеральной идеей территориального расширения российской цивилизации. Как справедливо отмечает Ф.П. Тройно: «Время возникновения и роста численности казачества, повышение его роли в защите российских рубежей находится в тесной связи с образованием и расширением централизованного государства» [1].

Государственная идея была тем мировоззренческим конструктом сознания, на котором основывались представления казачьего населения о роли и месте человека в обществе, системе социальных отношений, о целях и задачах человеческой жизни. Казачье население, входившее в северокавказский социум с момента его возникновения как объединение

самостоятельных казачьих общин, в своих представлениях исходило из того, что в данный регион их привело не только желание начать новую жизнь, но и государственная необходимость. Речь идет о выполнении особой миссии – расширении священного пространства православного государства, включение в его орбиту новых территорий и народностей. Таким образом, эта миссия была связана с основополагающими задачами Российского государства.

Очевидно, что при переселении на Северный Кавказ каждый из поселенцев преследовал индивидуальные цели, решал личные задачи и руководствовался собственными мотивами. Однако, несмотря на это, переселенцы хорошо осознавали главную цель своего исторического движения, основной смысл своего перемещения в неосвоенные Южные пространства, который заключался в укреплении и усилении Российского государства, расширении ареала распространения православной веры. Эта цель была всеобщей и универсальной для всех.

Идея расширения и усиления Российского государства являлась одним из базисных идейно-политических конструктов, на основе которых в процессе исторического развития формировалось мировоззрение и картина мира населения Северного Кавказа. В своей повседневной деятельности казаки руководствовались представлениями о том, что смысл их пребывания в крае – не только в его обустройстве и заселении, но и в защите его пограничных рубежей, которые необходимо постоянно расширять и следить за их священной неприкосновенностью.

Таким образом, представители казачьего населения были посланцами Российского православного государства на Северном Кавказе, его «служивыми людьми», тесно связанными с его нуждами, интересами и проводимой им политической линией, с процессами, происходившими в нем. «По мере роста могущества Российского государства (в укреплении которого немалую роль сыграли казаки) возрастала подчиненность ему вольных казаков, они становятся надежной опорой правительства в пограничной

службе. Конечно, были и выступления против неугодного царя, бояр и помещиков, но не российской государственности. Главная же заслуга казачества со времен его возникновения в службе России, ее народу, ее царям»[2].

С переселением на Северный Кавказ казачье население не обрывало связующие его нити с остальными частями Российского государства. Казак, вполне представляя значение Северного Кавказа и его отличия от других российских областей, продолжал все же считать его частью России, православного государства, подчиняющейся единому центру государственной власти.

Государственные интересы занимали в его жизни значительное место, подтверждением этому было немало исторических примеров, когда, даже не имея формального на то указания или приказа, казаки осознанно заботились об интересах Российского государства в крае и по собственной инициативе совершали несанкционированные правительством действия в отношении сил, враждебных России. Известным примером таких действий может служить взятие Турецкой крепости Азов без определенного государственного указания. «28 октября 1641 года атаман Осип Петров послал в Москву посольство с атаманом Наумом Васильевым, есаулом Федором Поршина и 24 казака, особо отличившихся, с подробною боевою росписью и изображением хода защиты Азова. Казаки просили царя взять под свою опеку Азов и прислать воеводу для принятия крепости, ибо им, казакам, защищать Азов нечем. Присланных казаков в Москве приняли с честью, наградили их, по окладу, великим жалованием, чествовали и угощали. Решение взять Азов, или отдать его по-прежнему, туркам, было поручено боярину Морозову. Атаман и казаки доказывали выгоды владения Азовом, но переговоры тянулись более месяца и не привели ни к чему» [3].

К подобным действиям можно отнести и несанкционированные государством походы казаков в те страны, которые считались враждебными

православному царю, война с которыми являлась для казачества священным долгом по отношению к государству.

Фактор государственной службы определял наличие особого рода ценностных установок в сознании населения Северокавказского региона, а также консервативного верноподданнического мировоззрения. Иногда, правда, эти ценностные установки видоизменялись, что выражалось в отрицании традиций, устоев и правовых норм.

Чаще всего это происходило после того, как государственная власть, ее характер и способы проведения государственной политики расходились с теми основополагающими принципами, на которых, по мнению казачества, должна базироваться священная власть православного царя, а действия государственных органов не соответствовали устоявшемуся в сознании казачества образу верховной правительственной власти. Такое несовпадение представлений населения региона с политической реальностью влекло за собой активные антигосударственные действия казачества, проходившие под лозунгом возвращения к прежним попорванным ценностям и идеалам, восстановление «законного порядка» при прежних формах и способах присутствия государственной власти в регионе. Но и в этих случаях конечной целью восставших было воссоздание священного характера Верховной власти и служба государственным интересам.

В целом, в сознании населения Северного Кавказа доминировали представления о достойной и верной службе царю и Отечеству. Примером может служить принятие присяги казачества на верность Российскому царю, переданное В. Сухоруковым в «Историческом описании войска Донского»: «При восшествии на престол донские казаки не давали присяги, им обыкновенно присылалась грамота от нового венценосца, кою требовали от них усердия и радения, какое оказывали они прежним государям, царь Федор Алексеевич первый из российских монархов повелел всех казаков привести на верность службы к присяге и видел безмолвное исполнение» [4].

Лояльное в целом отношение казачества к государственной власти было обусловлено тем, что в своем существовании оно было оторвано от основных исторически сложившихся центров российской цивилизации. Во многом население Северного Кавказа ощущало себя чужим на обживаемой им территории. Это ощущение усугублялось этническим противостоянием с автохтонным населением, находившимся долгое время в орбите влияния исламских государств Персии и Турции.

Надежда на помощь в военном и культурном противостоянии связывалась в первую очередь с русским централизованным государством.

Исследователи отмечают «... фактор милитаризации всегда присутствовал в жизни казака и имел в определенном смысле социогенетическую основу. Постоянная опасность военных действий обуславливала наличие жестких правил регламентации различных аспектов социальных и бытовых отношений в мирное время» [5].

Поэтому в их сознании сформировалось представление о недопустимости малейшего отклонения от служения казачьей общине и российскому государству. Это представление нашло выражение в жесткой полувоенной организации и правовых нормах, основанных во многом на традиционном праве. В соответствии с ним самыми тяжелыми правонарушениями в казачьей среде считались преступления, направленные против государственной власти, а также казачьей общины – тех основных компонентов, на которых основывалось идеологическое единство казачьего социума.

В восприятии казачьего населения подобные преступления трактовались как стремление разрушить не только общину, но и православное государство в целом. Как отмечает О.Усенко: «Государственные преступления (хула царя, казачества в целом и войсковой администрации, организация мятежа, невыполнение царских указов и распоряжений войска) ...мера наказания в данном случае была одна – смертная казнь» [6].

Причудливый симбиоз общинных правовых норм и государственных законов лег в основу особого казачьего законодательного уложения, свидетельствующего об устойчивости не только общинной организации, но и роли государства, государственной идеи как основы северокавказского социума.

Список используемой литературы:

1. Казачество в истории России: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 20.
2. Казачество в истории России: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 21.
3. *Гордеев А. А.* История казаков. Со времен царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. Ч. 2. М., 1991 С. 189.
4. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1990. №2 С. 148.
5. *Акоева Н.Б.* Милитаризация сознания казачества Юга России в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы регионоведения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани. 2010. С. 4.
6. Усенко. Терпи, казак... // Родина. 1993. №10. С. 25.